

Арктика и Север. 2025. № 59. С. 116–128.
Научная статья
УДК 316.7(470.11)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.116>

Восприятие пространства и «чувства места» среди пожилых жителей посёлка Соловецкий

Пшенко Регина Алексеевна^{1✉}, аспирант

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ pshenkoregina@gmail.com[✉], ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Аннотация. Чувственно-эмоциональное восприятие природно-архитектурного ландшафта является собирательным явлением, зависящим от различных факторов. Природно-архитектурное пространство посёлка Соловецкий отличается территориальной изоляцией (островной характер); морским типом природно-климатических условий; последствиями сравнительно позднего формирования гражданского населения; богатой религиозной историей; расположением на данной территории мест особого назначения. В условиях сложной системы исторических связей и относительной «молодости» посёлка население находится в стадии формирования «чувства места». Архитектурное пространство посёлка многократно трансформировалось, не носило характера последовательного линейного развития. Важными трансформационными событиями являлись: жизнь монастыря и монастырских служб, обустройство пространства монастыря под нужды Соловецкого лагеря особого назначения и Соловецкой тюрьмы особого назначения (1923–1939 гг.), дальнейшее приспособлении архитектурного пространства для школы юнг и боцманов, военной части с последующей трансформацией для гражданского поселения (1944 г.). Трансформационные этапы архитектурного пространства запечатлены в современном образе посёлка, что оказывает влияние на формирование «чувства места» у населения. В данной статье рассмотрены и проанализированы результаты опроса пожилого населения посёлка Соловецкий, выявлены особенности и закономерности чувственно-эмоционального восприятия пространства. Особое внимание уделено чувствам красоты, уникальности, чистоты, безопасности и дружелюбности среди пожилых респондентов. В конце статьи приводятся рекомендации по укреплению «чувства места» — психоэмоциональной связи с местом проживания. Указанные рекомендации позволят улучшить психоэмоциональный климат в посёлке и здоровье пожилых жителей.

Ключевые слова: чувство места, чувственно-эмоциональное восприятие, природно-архитектурный ландшафт, посёлок Соловецкий

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-10034 «Создание устойчивых сообществ с учётом последствий трансформации архитектурно-этнографической среды островной и прибрежной Арктики».

Perception of Space and Sense of Place among Elderly Residents of the Solovetsky Village

* © Пшенко Р.А., 2025

Для цитирования: Пшенко Р.А. Восприятие пространства и «чувства места» среди пожилых жителей посёлка Соловецкий // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 116–128. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.116>
For citation: Pshenko R.A. Perception of Space and Sense of Place among Elderly Residents of the Solovetsky Village. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2025, no. 59, pp. 116–128. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.116>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Regina A. Pshenko^{1✉}, Graduate Student

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹pshenkoregina@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Abstract. Sensory-emotional perception of natural-architectural landscape is a collective phenomenon that depends on various factors. The natural and architectural space of the village of Solovetsky is distinguished by territorial isolation (island environment); marine type of natural and climatic conditions; consequences of the relatively late formation of the civilian population; rich religious history; location of special purpose places. In the conditions of the complex system of historical connections and the relative “youth” of the village, the population is in the stage of forming a “sense of place”. The architectural space of the settlement has been transformed many times and has not been characterised by a consistent linear development. Important transformational events were: the history of the monastery and its monastic services, the arrangement of the monastery space for the needs of the Solovetsky special purpose camp and the Solovetsky special purpose prison (1923–1939), further adaptation of the architectural space for the school of cabin boys and boatswains, a military unit, with subsequent transformation for civil settlement (1944). The transformational stages of architectural space are captured in the modern image of the village, which influences the formation of a “sense of place” among the population. This article examines and analyses the results of a survey of the elderly population of the Solovetsky village, identifying the features and patterns of sensory-emotional perception of space. Particular attention was paid to feelings of beauty, uniqueness, cleanliness, safety and friendliness among older respondents. The article concludes with recommendations for strengthening the “sense of place” — the psycho-emotional connection with the place of residence. These recommendations will improve the psycho-emotional climate in the village and the health of elderly residents.

Keywords: *sense of place, sensory-emotional perception, natural architectural space, Solovetsky village*

Введение

Концепт «чувство места» (sense of place) получил глубокую традицию изучения начиная с 70-х гг. XX в. Однако исследование чувства места среди жителей островных территорий, имеющих специфические особенности как природного, так и архитектурного ландшафта, является малоизученным явлением. Настоящее исследование включает в себя изучение чувственно-эмоционального восприятия пожилым населением окружающего пространства посёлка Соловецкий Приморского района Архангельской области.

Согласно западным концепциям, трёхмерная модель «чувства места» является составным произведением из «привязанности к месту» (place attachment), «идентификации с местом» (place identity) и «зависимости от места» (place dependence) [1, Jorgensen B., Stedman R.]. Например, «привязанность к месту» формируется из положительной эмоциональной связи людей с местом [2, Hummon D.M.; 3, Low S.M., Altman I.]. Согласно второй модели, чувство места формируется только за счёт идентификации с местом и зависимости от места [4, Trentelman C.].

Помимо этих двух моделей, сложился ряд персональных концепций, раскрывающих само понятие «место». И. Туан считал, что чувство места связано с интерпретацией, созданием символов и смыслов во взаимодействии с окружающей средой, проживанием жизненных ситуаций в контакте с физическим пространством. По его мнению, неидентифицированное пространство становится «местом» только тогда, когда наделяется ценностью [5, с. 6].

Наиболее близкой нашему пониманию термина «место» является концепция Э. Рельфа, который также рассматривал «место» как взаимосвязь пространства и человека — «феноменология места», т. е. интерпретация человеческого опыта взаимодействия с окружающим пространством [6; 7]. Э. Рельф, описывая связь между пространством и местом, пояснял, что пространство включает в себя множество мест. Он замечает, что для изучения «места» и «чувства места» необходимо производить изучение отношения людей к пространству, т. е. процесс накопления пространственного опыта [7, с. 44]. Э. Рельф также рассматривал идентичность людей с местом. Личный опыт человека формирует место вне пространства. Под «идентичностью места» он понимал его «постоянное сходство и единство, которое позволяет этому [месту] отличаться от других» [7, с. 45]. Идентичность также определяется вовлечённостью и заботой о месте, проживанием определённых жизненных ситуаций в соприкосновении с местом. Одна из ключевых идей Рельфа состоит в том, что «человеческий опыт приобретает разные качества чувств» [6, с. 45]. Его теория предполагает, что накопление пространственного опыта — это длительный процесс, приводящий к укреплению связи между человеком и местом. Р. Седман, продолжая идеи предшественников, отмечает, что «переход от пространства к месту предполагает переход от чужого к знакомому, т. е. пространство трансформируется в место по мере того, как оно приобретает определение и значение» [8, с. 823]. Автор фиксирует связь между познанием и эмоциями.

Резюмируя, необходимо отметить, что различное понимание термина «место» во многом не является взаимоисключающим. «Место» обычно рассматривается как комбинация трёх понятий: место как местоположение означает пространственную область или физическое местоположение; место как действие, происходящее в этом месте; чувство места — субъективное значение места, привязанность к месту, идентичность места [9, Amundsen H., с. 257–258; 10, Agnew J.].

Один из вопросов, который остается открытым, заключается в определении продолжительности времени, необходимого человеку от идентификации места к складыванию крепкого чувства места — привязанности к месту, которое основано на чувственно-эмоциональных связях, полученных при помощи переживания положительных эмоций и накопленного опыта. Исследователи арктических территорий А. Болотова и Ф. Штаммлер пришли к выводу, что привязанность к местам среди приезжего населения формировалась «пропорционально возрастанию значимости и ценности этих мест для биографий приезжих» [11, с. 211]. Авторы отмечают, что одним из мест привязанности являются могилы предков. Соответственно, крепкая привязанность формируется уже среди второго поколения мигрантов: второе поколение мигрантов на Север России заботится и ухаживает за местами захоронения их предков, а сформированная привязанность препятствует их переселению в климатически более благоприятные регионы [11, с. 211]. Важно заметить, что ещё одним фактором формирования крепкого чувства места — привязанности к пространству Севера — является «солидарность северян», основанной на коллективном труде, широко распространённом на

этих территориях в прошлом: «глубокое знание людей с коллективным опытом и мест, где этот опыт произошёл, создаёт прочные социальные связи среди жителей севера, а также между людьми и местами» [11, с. 213].

Соловецкий архипелаг является уникальным природно-архитектурным ландшафтом с богатой историей и статусом объекта мирового культурного наследия ЮНЕСКО. При этом посёлок Соловецкий относительно молод, он был построен в 90-е гг. XX в. (рис. 1).

Рис. 1. Посёлок Соловецкий. Фото Р. Пшенко, 2023.

Природно-архитектурный ландшафт Соловецкого архипелага формировался под влиянием различных факторов. Во-первых, стоит отметить монастырь, «монастырские стены» и комплекс хозяйственных зданий, находившийся за пределами центрального монастырского комплекса. Временем основания монастыря принято считать 1420–1430 гг. [12, с. 5–6]. Монастырь был и остаётся главной архитектурной доминантой острова и историко-художественным фоном посёлка и архипелага в целом. Здания хозяйственных комплексов на данный момент находятся в ведомстве монастыря и являются объектами культурного наследия федерального значения, но большая часть из них не пригодна к эксплуатации. Стоит отметить, что сохранившиеся здания хозяйственных монастырских служб являются важными элементами архитектурного пространства посёлка. К таким постройкам относятся: Салотепный завод (1842 г.), такелажный амбар (1838 г.), здание монастырской электростанции (1910–1912 и 1920–1930 гг.), Белецкая баня (1717 г.), смолокурня (XIX в.), монастырская радиостанция (1915 г.) и др. Помимо хозяйственных комплексов сохранились жилые и учебные помещения. Так, рядом с монастырём расположено деревянное здание училища для трудников (вторая половина XIX в.) и Никольский корпус (1896–1898 гг.).

Второй опорной точкой формирования природно-архитектурного ландшафта является время существования Соловецкого лагеря особого назначения и Соловецкой тюрьмы особого назначения (1923–1939 гг.). В это время монастырская архитектура использовалась для нужд лагеря / тюрьмы. Дополнительно были построены жилые помещения. В южной части

посёлка сохранились бараки и административное здание рабочего городка Соловецкого лагеря особого назначения (1928 г.). В настоящее время бараки и административное здание используются как жилые помещения, здание музея и магазина. После закрытия тюрьмы монастырские помещения использовались для размещения школы юнг и боцманов. Гражданский посёлок сформировался в 1944 г., период его становления характеризуется строительством частных домов, а также переоборудованием «лагерной архитектуры» для проживания местных жителей.

Ввиду того, что формирование поселения Соловецкий носило неоднородный характер и было обусловлено работой Соловецкого лагеря особого назначения (1923–1933 гг.), Соловецкой тюрьмы особого назначения (1937–1939 гг.), военно-морской части (1939–1991 гг.), значительная часть местного населения — это потомки служащих и заключённых лагеря и тюрьмы, вторая большая часть населения — это дети военных, служивших и живших на Соловецких островах. Зарождение, складывание и развитие архитектурного ландшафта посёлка происходило на глазах местных жителей. Соответственно, проживающие в посёлке Соловецком пожилые люди в большинстве своём являются первым и вторым поколением местных жителей. Выявление сформированности чувства места среди них представляет несомненный исследовательский интерес.

Гипотезой данного исследования стало предположение о том, что ввиду позднего формирования постоянного гражданского поселения и неоднородного характера природно-архитектурного ландшафта современный период характеризуется процессом идентификации места, а не складыванием крепкого «чувства места».

Методология исследования

Одним из современных подходов к исследованию чувственно-эмоционального восприятия ландшафта является эмоциональная география, изучающая эмоциональную связь человека с местом его проживания [13, с. 31]. «Эмоциональная география», взявшая своё начало из географических наук, фокусирует объект исследования на понятии «чувства места», которое связано с пространством повседневной реальности человека; другими словами, пространством, задействованным в процессе совершения «ежедневных ритуалов» [14, с. 574]. В основе методологии данной работы лежит концепция отечественного исследователя Т.В. Жигальцовой о том, что крепкое чувство места представляет собой сумму таких чувств, как ощущение красоты, чистоты, безопасности, дружелюбности, уникальности окружающего природно-архитектурного ландшафта [15, с. 362; 379]. «Чувство места» в сельской местности имеет более глубокие корни, более сильную привязанность [14, с. 574]. Можно предположить, что островной, изолированный характер территории способен усиливать чувство места.

Исследование эмоциональной географии Соловецких островов стало частью большого проекта «Создание устойчивых сообществ с учётом последствий трансформации архитектурно-этнографической среды островной и прибрежной Арктики», поддержанного Россий-

ским научным фондом. Комплексное исследование современного природно-архитектурного ландшафта Соловецкого архипелага, а также ретроспективный взгляд опираются на воспоминания пожилых жителей, собранные в ходе интервьюирования в июне 2023 г. Историческая перспектива подкреплена архивными материалами из Российского этнографического музея, Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, Архангельского краеведческого музея. Кроме этого, в ходе исследования было проведено натурное обследование сохранности значимых для пожилого местного населения зданий и построек на архипелаге.

В выборку исследования вошло население старшего и пожилого возраста от 45 лет (второе поколение) до 78 лет (первое поколение). Анкетирование носило характер «снежного кома». Автором отмечается интерес респондентов к данному исследованию и желание населения принять участие. Для получения целостной картины в число респондентов были включены служители монастыря, работники музея и лица, проживающие на Соловецких островах сезонно. Всего было опрошено 17 человек старшего и пожилого возраста, из них 6 респондентов являются первым поколением местных жителей, переехавших на постоянное место жительства; 7 респондентов являются вторым поколением местных жителей, проживающих на Соловецком архипелаге с рождения; 4 человека сезонно приезжают на Соловецкий архипелаг от 5 лет подряд и более. В текст данной статьи вошли ответы респондентов первого и второго поколения.

Средняя продолжительность опроса составляла 30 минут. Вопросы делились на три смысловых блока и представляли собой открытые вопросы без вариантов ответа, что позволяло зафиксировать более полное мнение респондента. Первый блок вопросов был связан с историей и планировкой посёлка. Данный блок являлся подготовительной частью в психологическом плане, помогал расположить респондента, подготовить к открытому диалогу, побудить к воспоминаниям. Второй смысловой блок вопросов связан с чувственным восприятием природно-архитектурного ландшафта респондентами: чувство красоты (эстетическая потребность), уникальности (потребность в сингулярности, непохожести среды на другие), чистоты (потребность в комфортной и здоровой (чистой) окружающей среде), безопасности (потребность в безопасной и защищённой среде) и дружелюбия (потребность в общении и бесконфликтной среде) [15, Zhigaltsova T.]. Третий блок вопросов был направлен на высказывание личной оценки пространства, которое окружает респондентов.

Результаты исследования

В ходе интервьюирования респонденты не идентифицировали себя как коренное население, а скорее сохраняли отстранённую позицию, положение «гостя»: «коренного населения на Соловках нет, поэтому они не заинтересованы в изменениях, не готовы забо-

титься о месте, где они живут»¹. С этим мнением согласен и другой респондент: он считает, что уникальность поселка Соловецкий заключается в том, что «на Соловках много разных исторических слоёв. Он [посёлок — прим. автора] образован в 1944 г., первый слой — это моряки и семьи моряков, далее — первые музейные работники... Это всё люди приезжие, здесь нет коренного населения, и в этом его уникальность»². Исследователь истории и культуры Соловецких островов В.Н. Матонин также подтверждает эту мысль словами: «на Соловках местного населения почти нет, ротация местных жителей чрезвычайно велика»³. Таким образом, респонденты, проживающие на данной территории даже более 15 лет, не соотносят себя с местными жителями, что косвенным образом свидетельствует и о несформировавшемся «чувстве места».

Устойчивая оценка пространства запечатлена в *эстетическом чувстве* (представление о красоте природно-архитектурного ландшафта). Во время анкетирования мы просили оценить эстетическую составляющую посёлка и архипелага. Мы намеренно разделяли вопрос на «эстетический облик посёлка» и «эстетический образ архипелага». В первом случае мы подразумевали антропогенную архитектурную среду, вписанную в природное пространство: застройка посёлка, монастырь, жилые и хозяйственные постройки, причалы, гостиницы, бухта Благополучия и пр. Второй вопрос обращал внимание на весь архипелаг в целом: лес, береговая линия, посёлок, монастырь, острова (Анзер, Заяцкие острова и др.), мыс Печак, дамба, озёра и другие объекты. Однако в ходе опроса выяснилось, что жители разделяют монастырь и посёлок. Большинство респондентов, проживших большую часть своей жизни на архипелаге, ответили, что посёлок некрасив: «Историческая часть красивая, поселковую часть трудно назвать красивой»⁴; «Посёлок уродлив, к сожалению, но ни у кого нет плохих воспоминаний об острове. О плохой жизни — да, об острове — нет»⁵. Респонденты, которые переехали на Соловки относительно недавно или приезжают сезонно, более позитивно смотрят на архитектуру посёлка и считают его красивым. *Уникальность* респондентами связывалась именно с историей и архитектурой Соловецкого монастыря: «Уникален только из-за монастыря. Я лично так думаю, что вот эти вот святые места, скиты там, Секирная гора»⁶; «Такого Кремля, как у нас, сделанного из валунов диких, нету нигде, из таких камней»⁷.

Чувство чистоты и потребность в заботе об окружающем ландшафте были глубоко раскрыты в беседе с респондентом первого поколения. Он, работая в сфере благоустройства жилищного фонда и вывоза мусора, подчеркнул, что «местные не готовы заботиться об

¹ ПМА — Полевые материалы автора. Экспедиция в посёлок Соловецкий, Приморского р-на Архангельской области, июнь 2023. Интервьюер № 2 (второе поколение).

² ПМА, интервьюер № 10 (второе поколение).

³ ПМА, интервьюер № 13 (второе поколение).

⁴ ПМА, интервьюер № 5 (первое поколение).

⁵ ПМА, интервьюер № 13 (второе поколение).

⁶ ПМА, интервьюер № 5 (первое поколение).

⁷ ПМА, интервьюер № 3 (второе поколение).

окружающем пространстве»⁸. Как было сказано выше, исследователь Э. Рельф идентификацию места связывал именно с проявлением заботы об этом месте, соответственно, отсутствие заботы говорит об отсутствии идентификации места в своём восприятии пространства: «Нет, посёлок грязный. Пока иду, к примеру, в сторону кладбища... с ведром и собираю по дороге [мусор], с мешком даже, бутылки пустые... И поселковые там гадят, ну и приезжие, естественно, тоже»⁹, «Поселковая свалка. Там просто захоронено всё! Рядом же болото, грунтовые воды, вымывает, а там и батареи, и полиэтилен... То есть это самая, наверное, самая болезненная точка»¹⁰. Отсутствие чистоты вызывает стыд среди жителей. Респондент первого поколения, описывая территорию вокруг стен крепости, бухту Благополучия, пояснил: «стыдно — это самый центр, там очень грязно»¹¹. Он сказал, что по данному поводу писал заметку в «Живой журнал», чтобы привлечь внимание общественности. Таким образом он показал свою сопричастность и желание участвовать в жизни посёлка.

Чувство безопасности, пожалуй, самое сильное чувство среди опрошенных респондентов. Оно соотносится не только с посёлком, архипелагом, но и с морем (рис. 2).

Рис. 2. Белое море. Фото Р. Пшенко, 2023.

В ходе интервью был задан направляющий вопрос, целью которого было выявить отношение к морю как к источнику опасности, но никто из опрашиваемых не рассматривает море подобным образом. Море у населения вызывает только положительное восприятие: «Каждый раз интересно ходить на море, ведь оно каждый раз разное... Я сама в Комарово живу, там и выход к морю недалеко есть, лес с грибами, тишина и спокойствие»¹²; «Морю мы рады. Это и воздух для нас, и вода, всё»¹³. Респондент первого поколения пояснил: «наши дети с самого рождения приучены к такому здоровому страху [о море — прим. авто-

⁸ ПМА, интервьюер № 4 (первое поколение).

⁹ ПМА, интервьюер № 5 (первое поколение).

¹⁰ ПМА, интервьюер № 10 (второе поколение).

¹¹ ПМА, интервьюер № 1 (первое поколение).

¹² ПМА, интервьюер № 2 (второе поколение).

¹³ ПМА, интервьюер № 8 (первое поколение).

ра]»¹⁴. Двое из опрошенных испытывают чувство беспокойства о море, обусловленное интенсивной антропогенной нагрузкой, которая влияет на его флору и фауну. Один из респондентов определил море как аллерегию — связь с вечностью и предками. Подобная аллегория часто встречается в работах философов. Например, В.Н. Топоров, рассматривая море как символ, определял его как «универсальный способ корреляции сущностного и экзистенциального бытия, парадоксальную смысловую структуру, в которой бесконечное выражается в конечном, вечное — во временном [16, с. 594].

Солидарность северян основывается не только на коллективном труде [11, с. 213], но и на *чувстве общности* по отношению друг к другу. Только половина опрошенных считает жителей дружными между собой. Интересно, что одним из мест, формирующих чувство общности на Соловецких островах, респонденты считают Белецкую баню (рис. 3).

Рис. 3. Белецкая баня. Фото Р. Пшенко, 2023.

Белецкая баня — это здание предположительно 1717 г. постройки, расположенное на берегу Банного озера (на территории посёлка) и входящее в комплекс Соловецкого монастыря, на данный момент оно является памятником истории и культуры федерального значения¹⁵. Баня была построена из валунов с небольшими вкраплениями кирпича¹⁶. Она активно использовалась населением посёлка Соловецкий и являлась общественной баней. К концу 1990-х гг. баня перестала эксплуатироваться в связи с необходимостью ремонтных работ, которые не проведены до сих пор. Пожилые жители отметили важность общественной бани для обмена мнениями, новостями: «Раньше была баня, общая баня. Все туда приходили, разговаривали»¹⁷; «Мы туда все ходили, всем поселком. Её закрыли только лет 10 назад. Сейчас она в ведении монастыря»¹⁸; «Для меня, например, да и для многих, кто давно здесь жил, была хорошая общественная баня в своё время. К сожалению, она сейчас не использу-

¹⁴ ПМА, интервьюер № 8 (первое поколение).

¹⁵ Научный архив Соловецкого музея-заповедника. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 657. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ ПМА, интервьюер № 2 (второе поколение).

¹⁸ ПМА, интервьюер № 5 (первое поколение).

ется. Называется Белецкая баня. Можно сказать, что это было общественное место, где собирались, обсуждали некоторые вопросы»¹⁹. Население также отмечает потребность в бане на настоящий момент: «Здесь есть здание бани — самой старой в России — 1717 года. Сейчас она закрыта и предлогом для её закрытия был ремонт, с тех пор она [баня — прим. автора] так и не появилась, хотя потребность в этом есть»²⁰. В данный момент здание не эксплуатируется, хотя находится в относительно хорошей сохранности.

Таким образом, можно сделать вывод, что архитектурная среда посёлка Соловецкий не удовлетворяет потребности жителей как первого, так и второго поколения в красоте, чистоте, а также общении. Однако это компенсируется чувством безопасности с одной стороны и представлениями о красоте, уникальности окружающего природного ландшафта и Соловецкого монастыря — с другой. В процессе опроса респонденты самостоятельно обозначили проблему слабого «чувства места» на Соловецких островах. Это объяснялось постоянным изменением окружающего архитектурного ландшафта и утративанием мест привязанности: «В условиях замкнутости географической каждый видимый объект связан с какими-то эмоциями, настроениями, состояниями. Каждый напоминает о прошлом. В этом пространстве комфортно себя чувствуешь, но бывает очень неприятно и тяжело, когда вдруг обнаруживаешь, что где-то появился новый забор, где-то что-то разрушено, что-то утрачено... Вектор изменений на утрату ориентирован»²¹; «Я опасюсь возвращаться на Соловки после долго отсутствия, потому что непонятно, найдешь ли то, что хотел видеть. Вдруг обнаруживаешь, что твоё любимое дерево оказалось спиленным неизвестно кем и неизвестно почему»²².

Интересно заметить, что при указанных результатах, отвечая на последний вопрос интервьюирования, где респондентам было предложено продолжить фразу «для меня посёлок Соловецкий — это ...», двое респондентов, обозначивших проблему коренного населения, использовали лексему «родина» для продолжения предложенной фразы. Таким образом, данный феномен можно трактовать как сложный процесс перехода от идентификации места к складыванию «чувства места», занимающий не одно поколение. Подводя итог, отметим, что поставленная гипотеза о том, что в чувственно-эмоциональном восприятии природно-архитектурного ландшафта Соловецкого архипелага пожилыми жителями «чувство места» находится на стадии складывания / формирования, нашла своё подтверждение.

Для укрепления «чувства места» необходима локальная работа с конкретными местами в природно-архитектурном ландшафте — например, поддержание могил и кладбища в чистоте и порядке. Как было отмечено выше, исследователи А. Болотова и Ф. Штаммлер одним из мест привязанностей называют могилы предков, которые формируют чувство привязанности среди второго поколения мигрантов [11, с. 211]. Данное исследование подтвер-

¹⁹ ПМА, интервьюер № 10 (второе поколение).

²⁰ ПМА, интервьюер № 13 (второе поколение).

²¹ ПМА, интервьюер № 13 (второе поколение).

²² ПМА, интервьюер № 13 (второе поколение).

дило эти результаты: «Там [на кладбище — прим. автора] у каждого кто-то есть»²³. Одна респондентка отнесла кладбище к месту «воссоединения с близкими»²⁴. Разница мнений связана с личными культурно-религиозными убеждениями.

Помимо могил предков, конкретными местами, формирующими крепкое чувство места среди местного населения, являются места гордости [13, с. 34]. Респонденты первого и второго поколения отмечали среди мест гордости «садик», «школу», «остров Анзер», «крепость» и «дамбу». Среди тех пожилых жителей, кто на островах проживает сезонно, самым распространённым ответом был «монастырь». С целью визуализации результатов исследования цитаты, а также названные респондентами конкретные места и эмоции были нанесены на интерактивную карту Соловецкого архипелага [17, Zhigaltsova T.].

Для укрепления «чувства места» и психоэмоциональной связи с местом проживания необходимо обратить внимание на такие проблемные моменты, как недостаточное количество общественных мест и мероприятий, содействующих укреплению связей между населением и формированию чувства общности. Работа по укреплению «чувства места» и улучшению эмоционального климата в посёлке требует внедрения следующей реновационной политики, проводимой представителями различных сфер деятельности:

- восстановление Белецкой бани;
- восстановление главного административного здания, в котором расположена администрация, полиция, медпункт, аптека, библиотека;
- строительство клуба и обеспечение его работы для проведения культурно-массовых мероприятий;
- создание совета представителей жителей посёлка Соловецкий, готовых к открытому диалогу с представителями власти, Соловецкого музея — заповедника, Соловецкого монастыря и с туристическими фирмами.

Список источников

1. Jorgensen B., Stedman R. Sense of Place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. Pp. 233–248. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>
2. Hummon D.M. Community attachment: Local sentiment and sense of place // *Place Attachment* / Ed. by I. Altman and S. M. Low. New York: Plenum. 1992. Pp. 253–278.
3. Low S.M., Altman I. Place attachment: A conceptual inquiry // *Place attachment* / Ed. by I. Altman and Low S.M. New York: Plenum Press. 1992. Pp. 1–12.
4. Trentelman C. Place Attachment and Community Attachment: A Primer Grounded in the Lived Experience of a Community Sociologist, Society and Natural Resources // *Society & Natural Resources*. 2009. No. 22 (3). Pp. 191–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802191712>
5. Tuan Y.F. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1977. 226 p.
6. Key Texts in Human Geography / Ed. by P. Hubbard, R. Kitchen, G. Vallentine. London: Sage, 2008. Pp. 43–51.
7. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion. 1976. 156 p.

²³ ПМА, интервьюер № 8 (первое поколение).

²⁴ ПМА, интервьюер № 2 (второе поколение).

8. Stedman R.C. Sense of Place and Forest Science: Toward a Program of Quantitative Research // *Forest. Science*. 2003. No. 49 (6). Pp. 822–829.
9. Amundsen H. Place attachment as a driver of adaptation in coastal communities in Northern Norway // *Local Environment*. 2013. No. 20 (3). Pp. 257–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/13549839.2013.838751>
10. Agnew J. Space: place / Spaces of geographical thought. Deconstructing human geography's binaries / Ed. by P. Cloke and R. Johnston. London: Sage. 2005. Pp. 81–96.
11. Bolotova A., Stammier F. How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region // *Migration in the Circumpolar North: Issues and contexts* / Ed. by L. Huskey, C. Southcott. Alberta: CCI Press, 2010. Pp. 193–220.
12. Краткая история ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Санкт-Петербург: типография М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, 1899. 92 с.
13. Zhigaltsova T. Emotional tapestry of small cities: emotional perception of urban environments by Swedish and Finnish senior citizens // *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*. 2022. No. 46 (2). Pp. 30–50. DOI: <https://doi.org/10.30676/jfas.v46i2.102863>
14. Zhigaltsova T. City as home: sense of security and emotional places in the drawings of schoolchildren from the Nordic countries and Russia // *Arctic Yearbook 2021: Defining and Mapping Sovereignities, Policies and Perceptions* / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri, Iceland: Arctic Portal. Pp. 572–591.
15. Zhigaltsova T. Favorite and Least Favorite Places of the Northern Border Cities // *Human and societal security in the circumpolar Arctic: local and indigenous communities* / Ed. by K. Hossain, J.M. Roncero Martin, A. Petretil. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. Pp. 357–384. DOI: https://doi.org/10.63/9789004363045_00
16. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Прогресс: Культура, 1995. 621 с.
17. Zhigaltsova T. Emotional tapestry of small cities: Emotional perception of urban environments by Swedish and Finnish senior citizens // *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*. 2022. No. 46 (2). Pp. 30–50. DOI: <https://doi.org/10.30676/jfas.v46i2.102863>

References

1. Jorgensen B., Stedman R. Sense of Place as an Attitude: Lakeshore Owners Attitudes toward Their Properties. *Journal of Environmental Psychology*, 2001, pp. 233–248. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>
2. Hummon D.M. Community Attachment: Local Sentiment and Sense of Place. In: *Place Attachment*. New York, Plenum, 1992, pp. 253–278.
3. Low S.M., Altman I. Place Attachment: A Conceptual Inquiry. In: *Place Attachment*. New York, Plenum Press, 1992, pp. 1–12.
4. Trentelman C. Place Attachment and Community Attachment: A Primer Grounded in the Lived Experience of a Community Sociologist, Society and Natural Resources. *Society & Natural Resources*, 2009, no. 22 (3), pp. 191–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920802191712>
5. Tuan Y.F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1977, 226 p.
6. Hubbard P., Kitchen R., Vallentine G., eds. *Key Texts in Human Geography*. London, Sage, 2008, pp. 43–51.
7. Relph E. *Place and Placelessness*. London, Pion, 1976, 156 p.
8. Stedman R.C. Sense of Place and Forest Science: Toward a Program of Quantitative Research. *Forest. Science*, 2003, no. 49 (6), pp. 822–829.
9. Amundsen H. Place Attachment as a Driver of Adaptation in Coastal Communities in Northern Norway. *Local Environment*, 2013, no. 20 (3), pp. 257–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/13549839.2013.838751>
10. Agnew J. Space: Place. In: *Spaces of Geographical Thought. Deconstructing Human Geography's Binaries*. London, Sage, 2005, pp. 81–96.

11. Bolotova A., Stammier F. How the North Became Home. Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region. In: *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*. Alberta, CCI Press, 2010, pp. 193–220.
12. *A Brief History of the Stavropigial First-Class Solovetsky Monastery*. Saint Petersburg, Tipografiya M.I. Akinfieva i I.V. Leonteva Publ., 1899, 92 p. (In Russ.)
13. Zhigaltsova T. Emotional Tapestry of Small Cities: Emotional Perception of Urban Environments by Swedish and Finnish Senior Citizens. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*, 2022, no. 46 (2), pp. 30–50. DOI: <https://doi.org/10.30676/jfas.v46i2.102863>
14. Zhigaltsova T. City as Home: Sense of Security and Emotional Places in the Drawings of Schoolchildren from the Nordic Countries and Russia. In: *Arctic Yearbook 2021: Defining and Mapping Sovereignties, Policies and Perceptions*. Akureyri, Iceland, Arctic Portal, pp. 572–591.
15. Zhigaltsova T. Favorite and Least Favorite Places of the Northern Border Cities. In: *Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic: Local and Indigenous Communities*. Leiden, Boston, Brill Nijhoff, 2018, pp. 357–384. DOI: https://doi.org/0.63/9789004363045_00
16. Toporov V.N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected*. Moscow, Progress: Kul'tura Publ., 1995, 621 p. (In Russ.)
17. Zhigaltsova T. Emotional Tapestry of Small Cities: Emotional Perception of Urban Environments by Swedish and Finnish Senior Citizens. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*, 2022, no. 46 (2), pp. 30–50. DOI: <https://doi.org/10.30676/jfas.v46i2.102863>

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 02.07.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов